

Печать Папы Александра IV (1254–1261 гг.)

говоря: «Против нас ходил король французов, король Англии и даже император Римский и Германский, но они рассеялись, как облака от ветра. Пусть придет, пусть придет король Карл (король Сицилийский, Карл Анжу, брат Людовика IX Святого), и с ним вместе грек и турок! Мы обогатимся их добычей и в войне прославимся победой».

Ш. *О зле, которое он причинил государю Эдуарду.* Султан, видя, что не может ничего сделать оружием против государя Эдуарда (Odoardus, английский принц Эдуард, сын Генриха III и спутник Людовика IX Святого в его походе в Африку), который явился с 300 человек для защиты Св. земли, прибегнул к хитрости, как побежденный, и призвал к себе одного эмира, научил его притвориться другом Эдуарда и его врагом. Эмир вступил в дружбу с Эдуардом через посредство посла, которого он отправил к нему и представлял как человека вполне надежного. Этот посол сделался домашним и самым близким человеком у Эдуарда и входил к нему во всякое время, не возбуждая никаких подозрений. Но однажды ночью он вошел к нему и, застав его одного с переводчиком, поразил своего господина и друга. Принц был ранен, но, поддержанный Божественной силой, сам ударил убийцу кинжалом, обмазанным ядом, и убил. Через несколько дней Эдуард, сверх ожиданий своих друзей, выздоровел.

Султан был очень раздражен против наших и говорил, что они не держат слова,

как те древние и могущественные христиане (первые крестоносцы). Он упрекал их в тех пороках и преступлениях, которые сам ненавидел и не терпел: в чужом глазу видя сучок, он не видел в своем бревна. Он уверял, что если бы они возвратили ему всех сарацинских пленных, как он намерен освободить христиан, и как к тому обязались обе стороны, то он не взялся бы за оружие; мир и дружба сделались бы прочны и не последовали бы убийства и опустошения.

IV. *О том, что султан делал хорошо.* Султан же ненавидел вино и распутных женщин, говоря, что они делают людей сильных слабыми и женственными, а потому, вот уже пять лет со времени указа, в его владениях нельзя найти ни кабака, ни распутного дома; и если кто пьет вино, то по секрету. Когда ему замечали, что его предшественники содержали на сборе с кабаков и распутных домов 5 тысяч паемников, он отвечал: «Я предпочитаю иметь немного трезвых солдат, нежели большое число таких, которые хуже женщин и сражаются во имя Венеры и Бахуса, а не в честь Марса, бога войны, и доблестных людей».

Султан одобряет брак; у него четыре жены, из них четвертая молодая христианка, родом из Антиохии; он возит ее всюду за собой. Содержания же наложниц не одобряет и ненавидит все противоестественное. Он требует и предписывает, чтобы все его подданные жили в мире и по правде: к христианам, живущим в его государстве, благосклонен и особенно к монахам горы Синая и других провинций; едва только он услышит о их распрях, как немедленно произносит суждение и оканчивает их спор. Весьма охотно выслушивает он и оказывает почтение своим духовным, называемым *факирами* (фосога): между ними был один, особенно привязанный к своему суеверию, а не к Богу, — Фекит эль-Кодре. Он пользовался таким расположением султана, что назывался его верным пророком. Он был враг и преследователь христиан и евреев; но расположение султана изменилось в ненависть: ему вырвали глаза, и он погиб среди мучений по тайному приказанию султана.